

На великом утреннем приёме во дворце разгорелись такие споры, что голоса сановников сотрясали своды. Ещё немного — и в ход пошли бы кулаки да мечи.

В конце концов император Цзяньюань уступил и издал указ, позволяющий опробовать новое удобрение в области Цзяннань.

Это решение означало лишь одно: сам государь признал, что удобрение способно принести небывалый урожай и обогатить казну.

В прежние годы толку от удобрений было мало — возиться с ними приходилось долго, сил уходило прорва, а выгода оставалась ничтожной. Никто и помыслить не мог, что новое средство окажется настолько действенным!

Однако сильнее всех были потрясены сторонники клана Хань во главе с самим Хань Чжаохуном.

Казалось бы, чему тут печалиться? Земли, записанные на их имена, станут приносить больше хлеба, а сытая жизнь и полные закрома — дело прибыльное, кто же от такого откажется?

Вот только всё зависело от того, чьих рук это дело. Родись эта затея в недрах их собственного клана, Хань Чжаохун уже сегодня смиренно просил бы его величество лично приехать и полюбоваться бескрайними золотыми полями!

А теперь выходило скверно: за великим открытием стоял безродный выскочка, которого они когда-то с позором выставили из столицы, растоптав и выбросив из памяти за ненадобностью.

И если плуг для заливных полей ещё можно было заменить обычным изогнутым плугом, то превзойти новые удобрения, обещавшие небывалый урожай, было просто нечем. О подобном чуде никто и слыхом не слыхивал.

Помешать распространению этой диковины по всей Великой Чжоу могло лишь одно — если бы она подходила не для всяких злаков.

Но ведь оставалась ещё и основная подкормка! Она годилась для любой почвы, питала и насыщала истощённую землю, так что без веских, законных причин отказать в её повсеместном внедрении было невозможно.

Сегодняшние препирательства во дворце позволили лишь ненадолго оттянуть неизбежное, но проблему это не решало.

На лицах приверженцев клана Хань отражалось смятение: кто-то хмурился от злости, кто-то растерянно переглядывался, а иные делали вид, будто происходящее их вовсе не касается. Когда в зале наконец воцарилась тишина, Хань Чжаохун бесстрастно спросил:

— Зачем же тянуть время?

«Как зачем?.. — пронеслось в головах его приспешников. — Если не вставлять ему палки в колёса, вся слава достанется этому негодяю. И тогда его непременно повысят в чине!»

И пусть старый провинциальный административный комиссар Се Яньхан пострадал тогда лишь косвенно, каждый из присутствующих приложил руку к его травле. Обида была нанесена смертельная, такое не прощают.

К тому же паршивца Цзян Умянь сослали в глухой южный край. Разве старый лис Се Яньхан упустит случай поквитаться за своего ученика? Никогда.

Если не раздавить гадюку, пока она не набралась сил, то, когда эти двое вернут себе былое влияние в столице, на каторгу и в ссылку отправились бы уже они сами!

Министр чинов, давно спевшийся с главой клана Хань, негромко подал голос:

— Метод удобрения полей принесёт богатую жатву, и мешать этому делу вечно мы не сможем — указ уже подписан. Наша вражда с Се Яньханом очевидна для всех. Раз так, почему бы нам не прибавить к рукам само внедрение? Для начала отсечём от него этого уездного выскочку!

Раз уж распространение удобрений стало делом решённым, почему бы не поплыть по течению и не обратить его себе на пользу?

Пусть Цзян Умянь первым додумался до этой хитрости, но кто воплотит её в жизнь на бескрайних просторах империи? Всё равно без их ведома и шагу ступить не удастся.

Все пахотные угодья Великой Чжоу делились на плодородные, средние и скудные. И большая часть тучных земель принадлежала вельможам и знати — то есть тем, кто сидел сейчас в этом зале.

И если урожаи на этих землях возрастут, чьи лари первыми лопнут от золота? Их собственные!

Цзян Умянь лишь подал искру, а вот как раздуть пламя, решать будут они, и только они.

Разумеется, сам Цзян Умянь прекрасно понимал положение дел. Казна Великой Чжоу держалась на двух столпах — крестьянском труде и купеческой хватке.

Земледелие оставалось основой всего. Стоило урожайности вырасти, как сильные мира сего тут же принялись бы прибирать к рукам крестьянские наделы. Скупка и захват земель — процесс неизбежный и беспощадный.

Удержать этот поток могла лишь твёрдая воля властей: требовалось приструнить заносчивых богачей, защитить границы общинных полей и сделать так, чтобы пашня кормила тех, кто на ней трудится, а не загребущих помещиков.

Самым простым решением было развитие торговли — звонкая монета должна была сманить столичных богачеев, заставив их искать наживу на рынках, а не выжимать последние соки из пахарей.

Надо отдать должное законам Великой Чжоу: оберегая крестьянство, они не душили торговлю почём зря.

Одно только разрешение детям купцов сдавать государственные экзамены дорогого стоило. Однако чтобы народ не забросил плуг ради лёгких денег и положение пахарей оставалось почётным, двор установил для торговцев высокий налог.

Купец за грош удавится и ради прибыли пойдёт на любое преступление — унять его жадность могли лишь строгие пошлины да суровые уложения о податях.

Но чем выше налог, тем больше охотников обойти закон. Потому-то в государстве и действовали беспощадные правила, карающие за утайку доходов и торговлю в обход казны.

Цзян Умянь знал наверняка: половину доходов императорского казначейства приносила торговля солью и железом, а львиную долю от оставшейся половины составляли именно купеческие пошлины.

С появлением новых удобрений жадные взоры вновь обратятся к земле, а значит, неизбежно вспыхнут споры из-за продовольственного налога и податей.

Впрочем, все эти заботы лежали в будущем. Пока же в уезде Шаоюань кипела работа: на побережье спешно возводили причалы, ожидая возвращения советников Цзян Цю и Чжао Чэна, которые должны были привести корабли и мастеров для строительства верфи.

Зима принесла в Шаоюань прохладу и затяжные унылые дожди, но даже ненастье не могло охладить пыл местных жителей.

Сбор раннего риса превзошёл все ожидания, и у порога шаоюаньской мастерской удобрений выстроилась длинная очередь покупателей.

Тем, у кого не хватило собственного перегноя, пришлось заказывать его в уездной мастерской. Но пуще прежнего ломались от приезжих судов пристани соседнего губернского центра — ведь шаоюаньский причал временно закрыли на переустройство, и бросить здесь якорь было невозможно.

Бумажная мастерская выросла вдвое. Окрестные книжники и учёные мужи всю слагали стихи и писали картины на знаменитой шаоюаньской бумаге с водяными знаками, отчего слава о ней разлетелась далеко за пределы уезда.

Остальные ремесленные ряды тоже трудились без устали. Печи для обжига кирпича и варки цемента работали в три смены. Чтобы товар не иссякал ни на день, даос Цзинь Бухуань забросил покой в своей загородной усадьбе и переселился прямо к обжиговым ямам — там и ел, там и спал среди жара и копоти.

Не то чтобы ему нравилась такая жизнь, просто господин уездный судья Цзян Умянь платил за труды неслыханно щедро.

Стражники и досмотрщики из уездной управы рыскали по улицам и деревням с небывалым рвением. Ещё бы — господин уездный судья лично пообещал, что за каждого пойманного вора или смутьяна положена серебряная монета, в праздничные дни плату утратят, а к исходу года наградят кулями риса, кувшинами масла и добротным сукном.

Даже если дома припасов хватало, преподнести такой щедрый гостинец родичам было делом почётным.

Писари всех шести палат сбились с ног: до наступления нового года требовалось составить подробнейшие отчёты обо всём, что произошло в уезде. Каждому ведомству надлежало подготовить годовые свитки без единой пометки. Документы эти переписывали в трёх экземплярах: один оставался в Шаоюане, другой уходил в архив управы префекта, а третий ложился на стол самому Сыну Неба.

Прослышав, что их труды удостоятся взгляда императора, канцеляристы прибегали на службу задолго до рассвета, а расходились глубокой ночью под холодным светом луны. Столы тонули в ворохах бумаги, повсюду шуршали перья и стучали печати.

Впрочем, сколько в этом рвении было радения о чести уезда, а сколько — желания выслужить тройное жалованье, ведал лишь один бог.

Сам Цзян Умянь дневал и ночевал на строительстве причалов. Шаоюань стоял в самом устье реки, и судья не сомневался, что со временем уезд превратится в богатый портовый город. Но пока для первых нужд хватало и одного просторного причала.

Здесь могли бы бросать якорь и запасаться провизией купеческие суда, идущие с севера на юг. Хлынет людской поток — закрутятся дела, оживёт и весь край.

Да и местным купцам откроется прямой путь: поднимайся на север к богатым областям Цзяннань и Хуайнань или плыви на юг, к заморским рубежам.

Хватит покорно ждать, пока чужие торговые караваны соизволят заглянуть к ним с моря — пора самим расправлять паруса!

Продавать свои товары кому угодно, покупать то, что нужно душе, и больше не смотреть с завистью на богатую префектуру Чаочжоу. Глядишь, пройдёт несколько лет, и уезд Шаоюань сам возвысится до статуса области!

Строительство подвигалось ходко, да и с кораблями дело сдвинулось. Советники Цзян Цю и Чжао Чэн провели в море больше двух месяцев, но всё же успели вернуться со славным уловом до наступления праздников.

— Господин уездный судья, к нашему причалу подошли корабли! — Ли Е ворвался в боковой покой уездной управы, едва переводя дух от радости. — Вернулись! Советник Цзян и советник Чжао вернулись!

У Цзян Умяня отлегло от сердца. Посланцы отсутствовали без малого три месяца, и он уже всерьёз опасался, не сбились ли неопытные мореходы с пути и не сгинули ли в пучине вместе с судами. Теперь, когда они благополучно причалили, он наконец смог перевести дух.

— Много ли судов пришло? — быстро спросил Цзян Умянь, уже на ходу затягивая пояс и направляясь к выходу. — Точно они?

— Двенадцать кораблей, господин уездный судья, — тут же отозвался Ли Е. — Разной величины, но поменьше тех грозных военных джонок, что приводили усмирители мятежа. На палубах видны только матросы, так что точное число людей назвать трудно. Советники уже сошли на берег и сейчас проходят досмотр у чиновников Управления торговых судов.

Учреждённое в Шаоюане отделение Управления торговых судов держало ухо востро: в его обязанности входило оценивать надёжность кораблей, досматривать тюки, проверять бумаги у команды и даже окуривать трюмы благовониями от заморской хвори.

Всякое судно, решившее пришвартоваться в уезде, должно было первым делом выдержать эту строгую проверку.

Цзян Цю и Чжао Чэн терпеливо дожидались окончания досмотра. Они не раз изучали чертежи будущего порта, сами подбирали камни и брёвна для свай, но явь превзошла все их ожидания.

И пусть искушённому в таких делах Цзян Умяню причал казался простоватым, а службы ещё не разделили обязанности до конца, для Великой Чжоу эта гавань была настоящим чудом инженерной мысли.

Ступив с палубы на твёрдую землю, оба советника замерли в растерянности. Неужели это те самые дикие берега, где некогда сиротливо ютились гнилые лодки рыбаков?

Да верфи богатой префектуры Сунцзян выглядели едва ли лучше!

К самой воде сбегала ровная серая дорога из затвердевшего цемента. На широкой площади, где легко могла бы развернуться корма огромного купеческого судна, ровными рядами высились штабеля брёвен, кирпича и черепицы.

Белые стрелки на мостовой указывали прибывшим дорогу: налево вела полоса для телег с грузом, направо — пешеходная тропа, прямо — путь для конных повозок. Указатели чётко разделяли встречные потоки. Пройдя по этой чистой, непривычно просторной дороге, путники упирались взглядом в приметные добротные постройки из красного кирпича — визитную карточку возрождённого Шаоюаня.

У входа несли караул уездные стражники. Едва заведев прибывших, Ли Е со всех ног бросился в управу, оставив советников на попечение досмотрщиков, которые вежливо попросили их пройти внутрь для записи в гостевые книги.

За столом в просторной комнате сидел их старый приятель — советник Чжан Жун.

Поднявшись навстречу, он радостно поприветствовал товарищей, поздравил с благополучным возвращением и с лукавой усмешкой добавил:

— С корабля да на бал! Вы как раз вовремя, чтобы испробовать на себе новые порядки нашего господина уездного судьи.

Путники удивлённо переглянулись, но спорить не стали и послушно устроились на лавке напротив.

Чжан Жун разгладил на столе чистый лист плотной бумаги, обмакнул кисть в чернила и строго зачитал заголовок:

— Заявление на въезд в уезд Шаоюань.

Законы Великой Чжоу, конечно, велели вести учёт прибывающим купеческим судам, но правила те были туманными и путаными. Цзян Умянь вник в каждую мелочь и, вспомнив обычаи своей прежней жизни, составил невиданную прежде бумагу.

Приезжим надлежало указать название гильдии, имя старшего проводника, перечислить привезённый товар, пересчитать людей по головам, а также заявить, собираются ли они заходить в сам город и на какой срок. Взамен заполнившему бланк выдавали небольшую памятку — «Окружной путеводитель по Шаоюаню».

— Наш уездный судья строго ограничил время стоянки купеческих судов и запретил чужакам без спросу разгуливать по всему уезду? — пробежав глазами по строчкам, спросил Цзян Цю. — Не распугаем ли мы так торговцев?

Чжан Жун лишь загадочно улыбнулся в усы, ожидая, к какому выводу придёт его товарищ.

Цзян Цю ещё раз внимательно перечитал правила и задумчиво протянул:

— Поначалу покажется хлопотно... Но для Управления и для нашей управы это спасение. Порядок железный. Случись какая беда — сразу ясно, с кого спросить, на какую статью закона опереться.

— Верно мыслишь, — одобрительно кивнул Чжан Жун. — Сперва, конечно, купцы станут ворчать, мол, шаоюаньские чинуши слишком заносчивы. Но когда они поймут, какую выгоду сулит им торговля здесь, сами первыми побегут следить за исполнением наших правил.

— Раз уж вы первыми привели караван, давайте пройдем всё от начала до конца. Если обнаружим какую глупость, исправим или вычеркнем её, пока указ господина уездного судьи не вступил в полную силу.

Цзян Цю и Чжао Чэн быстро заполнили все графы, но, дойдя до самого низа листа, где следовало приложить печать, в замешательстве нахмурились.

Обычно у заезжих купцов с собой водилось три вида оттисков: общая печать гильдии для заключения сделок, личное клеймо старшего проводника и именная печать самого хозяина дела.

Но личные клейма для такого казённого листа не годились, а прикладывать большую гильдейскую печать ради простого разрешения на въезд казалось делом несуразным — из пушки по воробьям.

Чжан Жун задумчиво погладил бороду. Дело и впрямь было тонкое, шутить с печатями в канцелярии не любили.

Ведь по замыслу Цзян Умянь, оттиск на прошении должен был служить залогом честности: если купец вздумает утаить пошлину или сбежать, по этому знаку его должны были разыскать в любой точке империи.

Как раз в это мгновение дверь отворилась, и на пороге появился сам Цзян Умянь. Застав своих советников в столь глубоком унынии, он удивлённо приподнял бровь.

«Неужели поездка сорвалась?» — мелькнула тревожная мысль.

Но нет: покачивающиеся на воде джонки и гомон матросов на берегу красноречивее всяких слов свидетельствовали, что поручение выполнено превосходно. Быть может, они умудрились нажить опасных врагов в дороге?

Чжан Жун поспешил избавить начальника от сомнений и, указав на бумагу, спросил:

— Господин судья, мы тут бьёмся над одним вопросом. Какую же печать требовать с купцов на этом прошении?

<http://bllate.org/book/19045/2005036>